

СТИВЕН КИНГ

На Алексеевское я хотела позвонить – но оказалось, там нет телефона. Пришлось сразу ехать. Осенний такой день был, холодный, пронзительный. Листья упали. От метро я шла долго. Там было поле со старой травой, и на горе стоял храм. Я давно его знаю, со школы еще. Красивый, немного барочный. Путевой дворец тут был, деревянный, при Алексее Михайловиче.

У подножия храма в ограде обнаружилось кладбище. В будке у входа сидел упитанный малый в камуфляже. Я спросила. Он махнул рукой в сторону покосившегося сарайчика у забора. Оказывается, то была контора. Ну-ну.

К двери вело крылечко. Внутри помещалась комнатка, стол, какие-то полки, а слева – окошечко застекленное, как на почте. Я в него заглянула. Там тоже был стол, валялись квитанции, и стояла монументальная пепельница с бычками. Конторские отсутствовали.

Я стала ждать. На стене против двери висел бумажный портрет весьма волосатого старца. Над окошечком помещались газетная фотография местной святой в домашней одежде, церковный календарь и образцы заявлений о предоставлении мест на кладбище.

Повеивало откуда-то перегаром. Я сидела довольно долго, и даже стало мне казаться, что сюда никто никогда не придет.

Наконец голоса послышались, топанье. Дверь открылась и ввалился розовощекий качок, на ходу отвечая кому-то на улице. Поверх адидасовского костюма на качке была заброшена телогрейка. На минуту стало тесно, но он быстро пролез к себе за перегородку, а я с просительным лицом сунулась к окошечку.

– Участок? – он отрывисто так отвечал. – Можно.

– Где?

– А вон там. – он куда-то за собой махнул, неопределенно. – Купить? Очень просто. Заявление-свидетельство о смерти – 750 – все. Он с вами?

– Кто?

– Ну, кто... Когда умер?

– Год назад.

– Аа. Что ж так затянули-то. Тогда справку из крематория.

Я была немного медлительна. Я волновалась. Я хотела сделать все как можно лучше.

Малый покуда занялся кроссвордом.

– Ааа... Скажите... А если у меня нет справки из крематория, тогда как?

– А где же у вас...?

Это он про урну, это из деликатности, да.

– Ааа... мы... забрали. – Мы – придавало уверенности, что я все сделала правильно.

Анна Хоси

– Забрали? – он поднял голову от кроссворда. – Как же это вам отдали? Это вы большой грех на душу взяли, девушка, оч-чень большой грех.

Так он это проникновенно сказал. Видно, сильно за меня скорбел, вон как расстроился. Да что уж там.

Я смешалась, не зная, что ответить. Он тем временем опять засопел над газеткой.

– Я... На моей душе вообще-то грехов хватает – решила, наконец, я. – Одним больше, одним меньше... – У меня не было уверенности, правильно ли я выражаюсь, но упоминание души выглядело формально верным.

Он поднял голову и посмотрел отсутствующим взглядом. Я поняла, что прощения не ожидается.

– Ладно, давайте. – он сказал. – У вас с собой?

– Что с собой? – я растерялась. – Кого хоронить? Нет, не с собой. Дома. – Опять, наверное, не то говорю.

– Ну, приносите, тогда и оформим.

– А как же... Мы хотели... Люди хотели придти, прощаться...

– Прощаться. Выберите время, придете, все оформим. Да, и принесите две бутылки водки. Только хорошей. – Он затуманился. – Гжелки. Не надо экономить. И приходите.

– А можно, – я уже смирилась, что у меня грех, и осмелела. – А можно, я участки посмотрю?

Я хотела выбрать, чтоб был хороший.

– Участки – там. У нас без выбора. – Он опять махнул назад и вбок. – Выйдете – идите прямо, потом по-над храмом.

Я помолчала, соображая, что может означать “по-над храмом”.

– А кто это у вас? – я показала на угол со старцем.

– Иеромонах Иннокентий, – важно ответил заведующий. – Тут могила его.

Я вышла. Пошла по дорожке. За оградками смиренно смотрелись могилки. В некоторые холмики были воткнуты свеженакрашенные строгие таблички: “Срочно явиться в контору кладбища!”

Потом спустилась под горку, где кончалось кладбище и начиналась просторная черная лужа. На другом ее берегу стоял глухой бетонный забор.